

ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Нет, ты только не говори мне, что быть может когда-нибудь эти строки будут напечатаны, поняты и признаны критиками, профессорами, дантистами, лейтенантами, портными и всеми другими трудящимися массами. Когда ты говоришь это, то я чувствую, как в меня проникает самодовольство — оно струится по всем моим сосудам и артериям, приятно отравляя меня тайной надменностью и вознося на ту сладостно-головокружительную высоту, где живут лишь избранные.

Но я не хочу на ту высоту один, без тебя. Я не хочу оставить тебя внизу, бросить среди тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха. Я не хочу глядеть на тебя с высоты нежно-снисходительным взглядом, унижая тебя нашим неравенством.

Я хочу остаться рядом с тобой. Я хочу разбить свою палатку рядом с твоей, у самого подножия той немисленной высоты, и пусть развеивается над нашим лагерем всеми оболганное знамя непонятых и непризнанных, тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха.

Нет ничего противоестественнее понятого, признанного, а к тому же еще и ситого поэта. Такой поэт напоминает кусок съеденного и уже переваренного хлеба. Настоящий поэт

для меня — всегда непризнан, наг и голоден. Его понимают и признают только несколько учеников и друзей. Он утоляет голод их одобрением. А свою наготу прикрывает божественными крыльями горделивой и бессмертной богини Поэзии, которая высится в веках над государственными деятелями, полководцами, профессорами литературы и трудящимися массами, всегда юная, бескорыстная и бесстрашная, озаренная пленительным светом, источник которого, быть может, таится в наших собственных душах.

Таковыми непризнанными, нагими и голодными прошли через мою жизнь Хлебников и Мандельштам, Хармс и Вагин, Ахматова и Цветаева, Соснора и Бродский.

Мой разум говорит, что это нелогично и неубедительно, что есть общепонятые и общепризнанные поэты, которых проходят в школе, и я их боготворю. Но что-то иное, что-то сильнее логики убеждает меня в ином:

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, утопая по колена в болоте безвестности, поднимаем на своих худых и нервных руках Пушкина и Шекспира. И они возвышаются над миром, сверкая чисто вымытыми ногами.

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, противостоим мочуцей и сплоченной команде олимпийцев, которые покоятся на взбитых, как сливки, перинах самодовольства и надменности. И мы спасаем искусство, которое без нашей зависти, неуверенности, ничтожести, без отчаяния нашего унеслось бы в такие высоты надменности, что сияло бы в нереальных дальях, ничего не освещая и никого не согревая.

Но мы, непонятые и непризнанные, день и ночь стоим по колена в дерьме, и напряжены наши каменные мускулы, и накалены наши отчаянные надежды, и неутомимы наши горькие усилия. И только поэтому бессмертная Богиня Пoesия никогда не стареет и вечно над миром слышится ее влекущий таинственный пленительный шепот.